

ЗАМѢТКИ
ПО ДОРОГѢ ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ
НИЖНІЙ - НОВГОРОДЪ.

(В. А. ДѢЛКОНОВА.)

Въ послѣднее время средства сообщенія у насъ по многимъ линіямъ, особенно С.-Петербургу съ его окрестностями, облегчались чрезвычайно. Давно-ли еще, на-примѣръ, было то время, что богомольцы отправлявшіеся въ Тихвинъ черезъ Шлиссельбургъ, или вообще всѣ тѣ, кому нужно было, по какимъ-либо причинамъ, ѣхать въ послѣдній городъ водою, не имѣли для этого другаго средства, кромѣ неудобныхъ и душныхъ «тихвинокъ», которыя изъ Шлиссельбурга въ Питеръ, черезъ 60 верстъ теченія Невы, тащили ихъ цѣлый день, а вверхъ противъ теченія, до Шлиссельбурга, особенно при противномъ вѣтрѣ,

совершали это плаваніе не менѣ какъ сутки въ полторы и въ двое. Перевъздъ Неввою отъ Петербурга до Шлиссельбурга былъ тогда настоящимъ «воднымъ странствованіемъ». Теперь, при помощи нѣсколькихъ большихъ и малыхъ рѣчныхъ пароходовъ двухъ соперничающихъ въ улучшеніяхъ содержателей, перевъздъ этотъ, доступный ежедневно, дѣлается всего въ пять-шесть часовъ, и составляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ лѣтнихъ прогулокъ для жителей Столицы; а какъ облегчило устройство этого пароходства перевозку товаровъ между обоими городами и путевыя издержки чернорабочихъ, толпами являющихся въ Столицу изъ Сѣверныхъ губерній, нечего и говорить.

Берега Невы вверхъ отъ Петербурга, нельзя сказать, чтобы были очень красивы сами-по-себѣ или открывали какія-либо живописныя мѣстоположенія по сторонамъ. Ближе къ Столицѣ плоскіе берега эти покрыты, особенно справа, общаю принадлежностью большихъ городовъ—строеніями заводскими и фабричными. Деревни, расположенныя далѣе, будучи обращены лицомъ домовъ къ дорогѣ, а не къ рѣкѣ, не представляютъ со-стороны ея ничего пріятнаго. Хорошо «мѣстами», только тамъ, гдѣ берега окаймляются не вырубленнымъ еще покуда лѣсомъ. Выше впаденія Тосны, видъ ихъ становится, впрочемъ, нѣсколько красивѣе: тутъ они поднимаются круче надъ уровнемъ рѣки. Самое живописное

мѣсто — передъ порогами : это — Островки, иѣкогда имѣиье Князя Потемкина, съ старымъ дачнымъ строеніемъ, съ башнями и недостроеннымъ фабричнымъ корпусомъ, которые не портятъ эффекта. За впаденіемъ Мги, по правую сторону, украшаютъ берегъ прекрасныя новыя дачи Князя Чернышева и г. Кокошкина; противъ этихъ итальянскихъ дачъ, по лѣвую сторону рѣки тянется, въ-противуположность, печальный Финскій лѣсъ. Ближе къ Шлиссельбургу, берега пустынны и дики. Лѣсенка къ памятнику Петра - Великаго у Красныхъ-Сосенъ (въ 48 верстахъ отъ Петербурга и 12 отъ Шлиссель - бурга), устроенному иждивеніемъ Путиловскихъ крестьянъ, братьевъ Спиридоновыхъ, изъ благоговѣнія къ памяти Великаго Преобразователя Отечества, почти-что незамѣтна.

Шлиссельбургъ стоитъ на пути огромныхъ каравановъ, идущихъ ежегодно, преимущественно съ хлѣбомъ, по сѣвернымъ рѣчнымъ системамъ изъ Внутреннихъ губерній въ Петербургъ. Въ этомъ и заключается все значеніе его: другаго теперь онъ не имѣетъ. Прежде крѣпость Орѣшекъ служила Новгородцамъ ключемъ ко входу въ Неву и плаванію Балтійскимъ-Моремъ; съ основаніемъ Петербурга стратегическая важность ея утратилась. Что касается до города, то со-временемъ онъ можетъ сдѣлаться значительнѣе — въ качествѣ мануфактурнаго подспорья Петербургу. Не говоря о томъ, что здѣсь ближе,

чѣмъ въ Петербургѣ, получать первоначальные матеріалы для нѣкоторыхъ фабричныхъ и заводскихъ производствъ, тутъ удобнѣе обрабатывать ихъ, по обилію воды и сравнительной дешевизнѣ дровъ. Уже и теперь здѣсь болѣе десяти разныхъ фабрикъ и заводовъ, хотя не весьма замѣчательныхъ. Самый городъ довольно обширенъ, потому-что растянута по нѣсколькимъ линіямъ вдоль двухъ вѣтвей Ладожскаго - Канала, но пусть и малонаселенъ. Люди только и толпятся около пароходныхъ пристаней, да у причала «трешкотовъ», производящихъ сообщеніе съ Новою-Ладогою, и то въ извѣстные только часы дня. Самое замѣчательное въ Шлиссельбургѣ—это шлюзы Ладожскаго-Канала. Любопытные путешественники осматриваютъ, сверхъ-того, крѣпость, находящуюся на островкѣ, при самомъ истокѣ Невы изъ Ладожскаго-Озера. Въ отношеніи къ домостроительству, городъ подвигается впередъ не очень быстро. Самое капитальное улучшеніе противу прежняго времени заключается въ открытіи трактира не похожаго на извѣстный типъ провинціальныхъ и даже столичныхъ заведеній этого рода: въ этомъ трактирѣ все чисто, и прислуживаетъ не толпа суетящихся «половыхъ», а всего-на-все одинъ весьма расторопный служитель съ бородкой, и дѣло идетъ какъ не надо удовлетворительнѣе для посѣтителей.

Отъ Шлиссельбурга до Новой-Ладогои, между устьями Невы и Волхова—два пути во вну-

тренность Россіи: чрезъ Ладожское-Озеро и Ладожскій-Каналъ. Первый путь ближайшій; но онъ удобенъ только для килевыхъ и палубныхъ судовъ, да и тѣ весьма много терпятъ на немъ отъ противныхъ вѣтровъ и сильныхъ бурь, столь частыхъ на озерѣ; переѣздъ-же чрезъ него хлѣбныхъ каравановъ, состоящихъ обыкновенно изъ плоскодонныхъ барокъ, почти вовсе невозможенъ. По этой причинѣ, еще при Императорѣ Петрѣ - Великомъ прорытъ былъ, вдоль юго-западнаго берега озера, каналъ на 90 верстъ, по которому караваны и проходятъ безопасно изъ Волхова въ Неву.

Почти одновременно съ Невскимъ, заведено пароходство и на Ладожскомъ-Озерѣ, какъ для скорѣйшаго и удобнѣйшаго сообщенія между Шлиссельбургомъ и Новой-Ладогой, такъ и для доставленія средствъ богомольцамъ посѣщать обители Валамскую и Коневецкую. Не будь озеро такъ бурливо, какъ оно есть, это пароходство сдѣлалось - бы источникомъ отличнѣйшихъ лѣтнихъ прогулокъ для жителей Петербурга и доставило большія выгоды своимъ заводчикамъ, а то оно только-что можетъ поддерживаться.

Сухопутное сообщеніе Шлиссельбурга съ Новой-Ладогой чрезвычайно неудобно, по отсутствію шоссе. Грунтъ земли по этой дорогѣ, тянущейся около Ладожскаго - Канала, состоитъ изъ глины съ пескомъ; лѣтомъ дожди разводятъ здѣсь глубокую грязь, которая, вы-

сохнувъ при бездождіи, дѣлается въ видѣ пыли еще несноснѣе для проѣзжающихъ.

Но какъ скучна сухопутная дорога, столь же занимателенъ для наблюдательнаго человека переѣздъ этотъ по Ладожскому-Каналу на «трешкотѣ». Начать съ того, что самыя суда, носящія это названіе, представляютъ нѣчто удивительное. Съ виду болѣе всего похожи они на китайскія джонки; въ-сущности же это не что иное какъ самостоятельно-улучшенное изданіе обыкновенной «тихвинки»: родъ барокъ съ каютами въ видѣ домика, возвышающагося аршина на два отъ бортовъ, и вмѣсто покатоѣ крыши имѣющаго плоскую палубу. Внутреннее расположеніе не во всѣхъ одинаково; въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе удобно; но нечистота во всѣхъ господствуетъ совершенно равная. Трешкоты, въ числѣ шести, производятъ постоянное во всю навигацію сообщеніе по каналу между Шлиссельбургомъ и Новою-Ладогою. Три изъ нихъ отправляются ежедневно изъ перваго, и столько же изъ послѣдняго города. Идутъ они бичевою, влекомые каждый тройкою лошадей, которыя на пути, по извѣстнымъ станціямъ, смѣняются трижды. Въ-слѣдствіе такого устройства, переѣздъ между обоими городами совершается, когда каналъ не запруженъ совершенно караванами, часовъ въ 20 или около того. Сойди съ того или другаго изъ невскихъ пароходовъ, имѣешь время отобѣдать въ Шлиссельбургѣ, и потомъ часа въ три по-по-

лудни помѣщаешься на трешкотѣ, который къ полудню слѣдующаго дня и доставляетъ насъ въ Новую-Ладогу. Обратновѣ Шлиссельбургъ трешкоты приходятъ также ко времени вечерняго отправления невскихъ пароходовъ въ Петербургъ. Цѣна за провозъ на трешкотахъ, вообще весьма умѣренная, не опредѣлена, и возвышается иногда непомѣрно не только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, каковы, на-примѣръ, эпохи Тихвинскаго и Казанскаго (въ Шлиссельбургѣ) богомольевъ, но и смотря по наружному довольству и званію пассажировъ, ихъ умѣнью торговаться и т. д.: маленькую отдѣльную каютку можно имѣть иногда за 1 р. сер.; иные изъ пассажировъ на палубѣ совершали при миѣ весь переѣздъ за 5 коп. сер. Для отправляющихся въ Петербургъ и изъ Петербурга рабочихъ эти трешкоты еще большее благодѣяніе чѣмъ невскіе пароходы: сколько силъ, обуви и харчевыхъ расходовъ сохраняется у такого рабочаго, благодаря этимъ учрежденіямъ!

Проведите сутки на трешкотѣ: сколько разнообразныхъ лицъ обонхъ половъ увидите тутъ, какихъ разсужденій наслушаетесь. На бездѣльѣ русакъ любить потолковать съ «хорошимъ челоуѣкомъ»; путешествуя на трешкотѣ пассажирамъ дѣлать нечего, и они охотно пускаются въ бесѣды, за присутствіе при которыхъ этнографъ долженъ-бы былъ платить дороже чѣмъ за кресла въ Итальянской-Оперѣ. Къ прелести бесѣды присоединяются довольно часто и другія развлеченія: судно безпрерывно стал-

живается съ мимо проходящими барками и трешить приэтомъ такъ, что, пока не привыкнешь, думается, что вотъ-вотъ хлынетъ вода во всѣ пазы и пойдетъ оно какъ ключъ ко дну. Это ожиданіе доставляетъ въ-началѣ весьма сильныя ощущенія. Часто также случается, что скучатся разомъ нѣсколько барокъ, и нѣтъ по-видимому никакой возможности выбратъ трешкоту изъ этой давки ни назадъ, ни впередъ: начинается между экипажами судовъ крикъ и брань, энергичностію которой отличаются бурлаки всѣхъ странъ и народовъ; поругаются, поругаются, подъ-часть, нечаянно, попотчуютъ другъ - друга баграми, и смотришь — расцѣпились, и опять трешкотъ плыветъ себѣ на просторѣ, и опять рулевой и пассажиры понукаютъ съ прибаутками погонщиковъ клячь, влекущихся по берегу канала. Временемъ примутъ, не останавливаясь, съ берега или мимо - проходящей барки, новаго пассажира, временемъ спустятъ: иной, при этомъ, соскакнетъ ловко, другой такъ, что вся честная компанія зальется смѣхомъ. Случаются и бѣды порой: иной унаровитъ такъ, что вмѣсто трешкота или барки угодитъ прямо въ воду; мы, слава Богу, не были свидѣтелями такого происшествія. Нерѣдко также обрываются въ воду съ плоскаго берега канала трешкотныя лошади: ихъ вытаскиваютъ, и до слѣдующаго приключенія все опять обстоитъ благополучно....

Берега канала весьма мало населены, хотя изрѣдка и встрѣчаются большія и по-видимому

богатыя села. Да и вообще окрестности озера песчаны, бесплодны и пустынные: направо — постоянно плоская равнина, поросшая мелким кустарником; налево — тоже, только за нею синѣетъ, сливаясь съ сѣрымъ горизонтомъ, узкая полоса озера. Чѣмъ ближе къ Ладогѣ, тѣмъ бесплодіе и песчаность почвы становятся замѣтнѣе, такъ-что у вѣзда въ этотъ городъ сыпучіе пески громоздятся холмами.

Ладога, будто наперекоръ эпитету своему «Новой», вся состоитъ, почти исключительно, изъ старыхъ, деревянныхъ, некрашенныхъ домовъ, и потому внѣшній видъ ея, при вѣздѣ, непріятенъ, мраченъ. Среди этой темной кучи строеній незамѣтны даже церкви, которыя такъ украшаютъ наши города. Съ двухъ сторонъ обнимаютъ городъ воды Ладожскаго-Озера и широкаго устья Волхова; чрезъ городъ же проходитъ и Ладожскій — Каналъ. Чего-другаго не спрашивай, а воды вдоволь: мутный Волховъ является здѣсь во всей красѣ и ширинѣ своей; подъ Новгородомъ, онъ, я думаю, третью уже.

Изъ незамѣчательной ничѣмъ Новой-Ладоги, основаніе которой современно съ Петербургомъ, сдѣлали мы экскурсію въ Старую-Ладогу, или такъ-называемую «Рюрикову-Крѣпость», отстоящую отъ Новой на 12 верстъ вверхъ по Волхову. Крѣпость Старо-Ладожская расположена на мыскѣ, образуемомъ впаденіемъ въ Волховъ рѣчки Ладожки. Построена она, какъ и другія Новгородскія и Псковскія крѣпости

XII, XIII и позднѣйшихъ вѣковъ, изъ булыжника и плиты; по мѣстамъ видны слѣды кирпичной обшивки. Стѣны, за исключеніемъ стороны, обращенной къ рѣкѣ, гдѣ они обвалились совершенно, сохраняются вообще довольно хорошо. Внутри крѣпости — старинная каменная церковь, по всѣмъ признакамъ однакоже позднѣйшая эпохи сооруженія стѣнъ; подлѣ нея — маленькая, деревянная и весьма ветхая. За исключеніемъ этихъ строеній и еще избышки да шалаша, въ пространствѣ крѣпостныхъ стѣнъ нѣтъ ничего болѣе. Около обѣихъ церквей — кладбище съ нѣсколькими деревянными крестами.

Рюриковского или Варяжскаго нѣтъ въ этой крѣпости и слѣда; вся она цѣликомъ Новгородская. Но курганы, которые тянутся ниже крѣпости по тому же лѣвому берегу Волхова, на которомъ стоятъ и крѣпость, могутъ быть не только Рюриковскихъ, но даже и до-Рюриковскихъ временъ. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ весьма велики; всѣ они, по видимому, были болѣе-или-менѣе разрыты, начиная съ вершины. Что нашли въ нихъ искатели — неизвѣстно; а любопытно было-бы знать: нѣтъ сомнѣнія, что этѣ насыпи сдѣланы были надъ останками не простыхъ людей. Въ окрестностяхъ, лѣтъ сорокъ тому, найденъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ, какіе только когда-либо и гдѣ-либо встрѣчались, кладовъ съ серебряными куфическими монетами; открывшій его помѣщичій крестьянинъ выкупился

на волю со всею семьею, и завелъ домъ и торговлю въ Тихвинъ.

На пути между обѣими Ладогами, ближе впрочемъ къ Старой, встрѣчается расположенная близъ берега Волхова, на довольно возвышенномъ мѣстѣ, деревня Островъ. Народное преданіе, до-сихъ-поръ сохраняющееся, говоритъ, что возвышенность, на которой стоитъ эта деревня, была нѣкогда дѣйствительнымъ островомъ и что островъ этотъ находился уже на Ладожскомъ-Озерѣ, которое будто-бы простиралось тогда до самой Старой-Ладоги, пространство-же земли, отсюда до нынѣшняго устья Волхова у Новой-Ладоги, образовалось въ-теченіе времени постояннымъ обмеленіемъ и усыханіемъ озера, донынѣ продолжающимся. Определить степень достовѣрности этого преданія, предоставляемъ геологамъ.

Большая дорога на Архангельскъ и Тихвинъ идетъ изъ Новой-Ладоги черезъ Волховъ на правый берегъ, и потомъ поворачиваетъ вдоль Сясьскаго-Канала. Этимъ каналомъ собственно и начинается Тихвинская водяная система, потому-что Нева и Ладожскій-Каналъ суть общіе проводники для всѣхъ трехъ системъ сообщенія Балтійскаго-Моря съ Каспійскимъ.

Тихвинская система, на протяженіи 513 верстъ, проходитъ частью губерніи С.-Петербургскую, пересѣкаетъ поперекъ, почти на-двое обширную губернію Новгородскую, касается сѣверо-восточной границы Тверской и окан-

чивается въ Ярославской губерніи, у Рыбинска. На этомъ пространствѣ лежатъ города: Новая-Ладога — въ С.-Петербургской, Тихвинъ съ Устюжной — въ Новгородской, Весьегонскъ — въ Тверской и Молога съ Рыбинскомъ — въ Ярославской губерніи. Каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ свою значительность въ торговомъ отношеніи, но далеко не одинаковую: первое мѣсто между ними занимаетъ Рыбинскъ, послѣднее — Весьегонскъ. Тихвинъ, Устюжна, Молога и даже Новая-Ладога, служатъ мѣстопребываніемъ высшаго купечества, но торговые обороты здѣсь происходятъ тихо, незамѣтно для заѣзжаго: не то, что въ Рыбинскѣ, гдѣ хлопотливая торговая дѣятельность прежде всего бросается въ глаза. Въ этомъ отношеніи, на второмъ мѣстѣ послѣ Рыбинска стоитъ Соминская-Пристань, находящаяся на полпути между Тихвиномъ и Устюжной. Эти два мѣста, Рыбинскъ и Соминь, торговля избрала для себя какъ-бы станціями.

Сясьскій-Каналъ, длиною въ 15 верстъ, тянется изъ Волхова до рѣки Сяси около берега Ладожскаго-Озера такоюже пустынною мѣстностью, какъ и Ладожскій, а почтовая дорога вьется около самаго канала. На двухъ-третяхъ его отъ Ладоги трактъ раздѣляется надвое: прямо идетъ на Петрозаводскъ и Архангельскъ, вправо поворачиваетъ на Тихвинъ. Слѣдующіе послѣднимъ путемъ переѣзжаютъ черезъ Сясь, на паромѣ, у станціи Пуль-

ницкой, находящейся уже на правомъ берегу рѣки.

Отъ станціи Пульницкой большая дорога проходитъ, на протяженіи около 60 верстъ, почти до станціи Чемыхинской, послѣдней передъ Тихвиномъ; по правому берегу рѣки Сяси, и представляетъ постоянно превосходные виды на окрестныя мѣста. Сясь течетъ въ глубокомъ оврагѣ; оба ея берега, высокіе, извилистые, иногда покрыты по отлогостямъ густыми рощами или зелеными лугами, иногда круты, обрывисты и состоятъ изъ краснаго съ черными прослоями песчаника.

За Пульницкой слѣдуетъ станція Лъзы, Терпигорева тожъ. Не есть-ли это Лъзы польское Izy — «слезы», чему соотвѣтствуетъ и русское прозваніе станціи, Терпигорева? — Но какъ попало сюда и могло укрѣпиться за урочищемъ Польское прозваніе? — Между этою станціею и слѣдующею Воскресенскою проходитъ граница С.-Петербургской губерніи съ Новгородскою.

Отъ станціи Чемыхинской — въ обѣ стороны: къ Воскресенской станціи (25½) и къ Тихвину (24 версты) — гористая дорога состоитъ изъ глубокихъ, сыпучихъ песковъ, чрезвычайно извурительныхъ для почтовыхъ лошадей, которыя вездѣ содержатся здѣсь въ отличномъ видѣ. Для устраненія, хотя отчасти, означеннаго неудобства, Воскресенская станція переведена въ послѣднее время на 5½ верстъ ближе къ станціи Чемыхинской, въ деревню

Горку, и названа, въ отличіе отъ другихъ одноименныхъ станцій, Полонскою, по имени владѣльца дома и той части деревни, гдѣ помѣщена.

Тихвинъ открывается версты за двѣ съ своими церквами и знаменитымъ монастыремъ, который, безъ-сомнѣнія, служитъ наилучшимъ украшеніемъ городу. Тихвинскій Успенскій мужской монастырь, основанный при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1546 году, имѣетъ нынѣ видъ огромнаго четверугольнаго замка, обнесеннаго каменною стѣною съ башнями. Внутри его всѣ зданія также каменные: нѣсколько церквей, четырех-этажная колокольная съ боевыми часами, дома Архіерейскій, Духовнаго Правленія и Духовнаго Училища, больница, братскія кельи, гостиныя комнаты для посѣтителей, магазины и другія монастырскія службы. Въ этотъ монастырь стекается, какъ извѣстно, для поклоненія чудотворной иконѣ Богоматери, весьма значительное число богомольцевъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи. Приходскихъ церквей въ городъ не больше пяти; но всѣ онѣ каменные и отличаются прекрасною архитектурой. Что-же касается до обывательскихъ домовъ, то ими Тихвинъ не можетъ похвалиться, несмотря на то, что въ немъ проживаетъ много торговцевъ - капиталистовъ; въ рядахъ домовъ деревянныхъ, по-большей-части старыхъ, немногіе каменные выдаются какъ исключеніе.

За Тихвиномъ осталая часть Новгородской губерніи не представляетъ ничего привлекательнаго и, кромѣ Соминской-Пристани, ничего замѣчательнаго. Мѣстность вездѣ почти ровная, то песчаная, то болотистая; нерѣдко, полуиссохшіе отъ скудной почвы, красные лѣса тянутся на большое пространство по обѣимъ сторонамъ дороги, перемежаясь кустарниками. Деревни встрѣчаются рѣдко.

Соминская-Пристань, при рѣкѣ Соминѣ и озерѣ тогоже имени, отличается прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Несмотря на то, что мы прибыли сюда на разсвѣтѣ (21 іюня), въ здѣшней пристани все было уже въ полномъ движеніи: суда и лодки разныхъ названій то причаливали къ берегу, то уходили; набережная кишѣла толпами судорабочихъ. Жители Сомина получаютъ, кажется, порядочные барыши и отъ содержанія постоянныхъ дворовъ, которыхъ здѣсь очень много; кромѣ-того, промышляютъ они извозомъ и, за довольно умѣренную плату, возятъ желающихъ до Тихвина и до Устюжны.

Устюжна, при рѣкѣ Мологѣ, почти на границѣ Новгородской губерніи съ Тверской, стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ Тихвинской-Системы, однакожъ принимаетъ значительное участіе въ торговлѣ. Впрочемъ, городъ ничѣмъ особенно не обращаетъ на себя вниманіе пріѣхавшаго сюда въ первый разъ, кромѣ церквей, которыя и здѣсь такъже красивы, какъ въ Тихвинѣ; на главныхъ улицахъ

есть еще нѣсколько довольно хорошихъ домовъ и даже около десятка камениныхъ; зато предмѣстья городскія совершенно походятъ на деревни.

Версть черезъ тридцать за Устюжной начинается губернія Тверская, которая выдается здѣсь довольно узкой полосой между губерніями Новгородской и Ярославской, упираясь сѣверо-восточной границей своей въ рѣку Мологу, гдѣ стоитъ городъ Весьегонскъ. Вся эта полоса, по Петербургскому тракту, состоитъ или изъ песчаныхъ горъ, или изъ болотистыхъ низменностей, пересѣкаемыхъ рѣчками Званой и Рѣней, которыя весной, вмѣстѣ съ Мологой, затопляютъ эти мѣста, и даже самый Весьегонскъ, до такой степени, что горожане, во все время разлива, сообщаются между-собою по улицамъ не иначе какъ на лодкахъ. Весьегонскъ, по своему наружному виду и малолюдству, скорѣе похожъ на большое село чѣмъ на городъ. Жителей въ немъ около 2,000 душъ обоего пола; ихъ промышленность состоитъ наиболѣе въ торговлѣ лѣсомъ и желѣзными издѣліями, чѣмъ занимаются также и многія окрестныя селенія.

При вступленіи въ Ярославскую губернію, тотчасъ же замѣчаешь во всемъ разпительную перемѣну. Въ губерніяхъ Новгородской (за Тихвиномъ) и Тверской, рѣдкость селеній, однообразіе лѣсовъ, мѣстность непрерывно песчаная или болотистая, наводятъ на проѣзжаго грустное утомленіе. Здѣсь, напротивъ, мѣсто-

положеніе становится опять холмистымъ; селенія и деревни попадаются часто; дороги выровненные и усыпанные крупнымъ пескомъ, вообще въ большой исправности; народъ повсюду дѣятельный, видный, расторопный; пространные нивы и луга, перестѣкаемые красивыми перелѣсками, выказываютъ плодородіе почвы; а многочисленныя суда, почти непрерывно несущіяся по Мологѣ и Волгѣ, свидѣлствуютъ о живомъ торговомъ движеніи.

Молога, на пути изъ Петербурга, первый городъ Ярославской губерніи, расположена по отлогому берегу Волги, при устьѣ рѣки Мологи. Она прежде была и называлась Купеческою-Слободою, переименована-же въ уѣздный городъ вмѣстѣ съ открытіемъ Ярославскаго Намѣстничества. Соединеніе въ этомъ мѣстѣ двухъ судоходныхъ рѣкъ и двухъ водяныхъ системъ, Тихвинской и Вышневолоцкой, могло-бы доставить ей гораздо значительнѣйшія выгоды, нежели какими она пользуется теперь, если-бы близость Рыбинска, важнѣйшей Волжской пристани, не отнимала у ней части этѣхъ выгодъ. Впрочемъ, и при настоящемъ своемъ положеніи, Молога производитъ хорошіе торговые обороты.

Торговля укоренилась издревле въ этихъ мѣстахъ. Въ 60 верстахъ отъ устья Мологи, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ Холопій-Городокъ, память о коемъ существуетъ донынѣ въ наименованіи одного урочища «*Старо-Холопыми*», находилась—нишуть вообще—пер-

валъ въ Россіи ярманка, на которую будто-бы съѣзжались изъ Европы и Азіи купцы Нѣмецкіе, Итальянскіе, Греческіе, Персидскіе и Хивинскіе. Ярманка точно существовала здѣсь около 250 лѣтъ, съ начала XIV до половины XVI вѣка, а потомъ, мало-по-малу ослабѣвая, уничтожилась совершенно. Но на чемъ основываются рассказы повѣствователей объ огромныхъ оборотахъ этой ярманки и пріѣздѣ туда купцовъ Европейскихъ? На свидѣтельствѣ писателя, жившаго черезъ полтора ста лѣтъ послѣ совершеннаго паденія ярманки и писавшаго по преданію отцовъ. Желательно было-бы, чтобы изслѣдователи наши обратили попристальнѣе вниманіе на этотъ предметъ и сколько-нибудь разъяснили его; не жаль было-бы для него особой монографіи. Вообще, преданія о здѣшней мѣстности принадлежатъ какой-то особый характеръ; а этому конечно должно быть какое-нибудь, теряющееся во мракѣ старины, основаніе. Самое наименованіе существовавшаго здѣсь прежде «Холопьяго-Городка», съ баснею о его происхожденіи, весьма примѣчательно; такія же точно басни встрѣчаются и у другихъ народовъ, пріурочиваемыя къ мѣстностямъ ихъ земли. Надо предполагать, что тутъ, при устьѣ Мологи, отъ котораго не вдалекѣ находится и устье Шексны, издревле былъ важный пунктъ, служившій ключомъ съ Волги во глубину дальняго Заволоцкаго Сѣвера.

Дорога отъ Мологи до Рыбинска почти непрерывно идетъ въ виду Волги, отчего ѣхать по ней лѣтомъ чрезвычайно весело.

Рыбинскъ, при Волгѣ и Шекснѣ, которою оканчивается послѣдняя водная система — Мариинская, одинъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ городовъ въ губерніи. Онъ назывался прежде Рыбною Ловецкою Слободою и въ уѣздный городъ переименованъ въ 1778 году, то-есть по открытіи Ярославскаго Намѣстничества. Портъ его состоитъ изъ шести соединенныхъ пристаней, и шумная торговая дѣятельность не прерывается въ немъ круглый годъ, не только лѣтомъ, во время навигаціи, но даже и зимою. Съ ранней весны, лишь только рѣки вскрыются ото льда, тысячи судовъ разнаго вида и величины, отягченные милліонами пудовъ груза, несутся то на сѣверо-западъ съ избытками южныхъ и восточныхъ странъ Имперіи, то на юго-востокъ съ драгоцѣннымъ бременемъ сѣверо-западной полосы Россіи. Лѣтомъ непрерывно идутъ подряды на поставку грузовъ; нагрузка, выгрузка и перегрузка судовъ занимаютъ тысячи рукъ, нѣтаютъ тысячи пришельцевъ. Зимой, на заводахъ, устроенныхъ купцами, мѣщанами и даже крестьянами, готовятся судовыя снасти, на верфяхъ — суда и лодки для верховаго и низоваго хода, а на мельницахъ, которыхъ въ городѣ и его уѣздѣ больше 20 — перемалывается хлѣбъ.

Но кромѣ хлѣба, главной статьи здѣшней торговли, и другихъ товаровъ, получаемыхъ

съ Низовыхъ Пристаней, сюда привозятся еще на значительныя суммы, болыпе сухимъ путемъ изъ Костромской губерніи, мочальныя пдѣлія, какъ-то: кули, рогожи, цыновки, необходимыя въ торговлѣ хлѣбомъ, да приготавлиется тысячь на пятнадцать серебромъ разныхъ лѣсныхъ матеріаловъ: бревенъ, жердей, стлани, тесу и т. п.

Въ послѣдніе годы, торговая дѣятельность Рыбинска еще болѣе усилилась отъ учрежденія Волжскаго пароходства. Изъ Нижняго приходитъ сюда (правильнѣе — въ усадьбу Копаево, въ 5 верстахъ отъ Рыбинска) и возвращается обратно нѣсколько пароходовъ, которые, однакожъ, ходятъ кажется не регулярно, въ опредѣленные дни, а смотря по тому, какъ наберется на нихъ товаровъ къ перевозкѣ.

Въ прошломъ 1850 году, къ Рыбинскому порту, съ открытія навигаціи до окончанія ея (15 октября), прибыло всего 2,450 судовъ (въ томъ числѣ 13 пароходовъ); отошло: по Волгѣ — 2,695, по Мологѣ — 2,064, по Шекснѣ — 1,615. На нихъ, въ теченіе этого времени привезено всего товаровъ на 15,784,717 р. сер., а отправлено на 19,580,721 р. сер.; именно: вверхъ по Волгѣ — на 7,757,415 р., по Мологѣ — на 3,231,722 р., по Шекснѣ — на 3,541,584 р. сер. Сверхъ того, внизъ по Волгѣ отправлено было разной клади — на 346,544 р. сер.

И въ Рыбинскѣ, ради торговыхъ выгодъ, нѣкоторые желаютъ соединенія этого города съ Москвою посредствомъ желѣзной дороги.

Но въ такомъ важномъ и огромномъ предпріятіи должна приниматься въ расчетъ только несомнѣнная польза. Спрашивается: можетъ-ли Рыбинская желѣзная дорога быть очевидно полезною для торговли Волжской? Едва-ли. Торговля Рыбинская и ея нынѣшняя значительность тѣсно связаны съ Волжскимъ судоходствомъ; слѣдовательно, при перемѣнѣ обстоятельствъ послѣдняго, все должно измѣниться. Когда, на-примѣръ, проведется желѣзная дорога отъ Нижняго въ Москву (что, весьма вѣроятно, можетъ имѣть огромныя послѣдствія для сѣверо-западнаго края Россіи), что заставитъ тогда Волжскихъ торговцевъ подниматься съ своими товарами вверхъ по Волгѣ до Рыбныска въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, если они будутъ имѣть возможность пересылать эти товары по желѣзнымъ дорогамъ, прямо въ Москву или Петербургъ, въ какіе-нибудь два или три дня? Тогда бѣольшая - часть Рыбинскаго купечества, всего скорѣе, переселится въ Нижній.

Отправившись изъ Рыбныска рано утромъ, къ полудню прибыли мы въ Романовъ-Борисоглѣбскъ; а къ вечеру — въ Ярославль. На всемъ этомъ 80-верстномъ пространствѣ мѣстоположеніе также красивое; дорога довольно плоская и ровная, потому-что горныя крутизны скрыты; на низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ вездѣ насланы гати.

Романовъ - Борисоглѣбскъ, по своему живописному мѣстоположенію, не можетъ не по-

направился. Онъ составилъ въ 1822 году, изъ двухъ древнихъ городовъ: Романова и Борисоглѣбска, которые существуютъ со временъ Удѣльныхъ Княженій, раздѣляются Волгою, и удерживаютъ еще до-сихъ-поръ, каждый порознь, древнее свое имя.

Ярославль, при рѣкахъ Волгѣ и Которости, есть въ настоящее время одинъ изъ обширѣйшихъ и лучшихъ губернскихъ городовъ. Основанный, по преданію древности, Великимъ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, опъ уже въ XIII столѣтіи былъ многолюднымъ городомъ; но торговля его особенно стала процвѣтать съ-тѣхъ-поръ, какъ въ XVI столѣтіи Англичане открыли морской путь къ Архангельску. Проѣзжая въ Персію и Бухарію по Волгѣ, они не могли миновать Ярославля, который и сдѣлался складочнымъ мѣстомъ ихъ товаровъ. Въ несчастное время Междоусобицы, Ярославцы, вмѣстѣ съ Нижегородцами, принимали дѣятельное участіе въ освобожденіи Россіи отъ Поляковъ. Въ концѣ XVII вѣка учреждена была чрезъ Ярославль почтовая гоньба изъ Москвы въ Архангельскъ, и съ-тѣхъ-поръ этотъ трактъ сдѣлался главнымъ путемъ сообщенія Сѣверныхъ губерній съ Москвою и губерніями за-Московскими. Петръ-Великій, замѣтивъ склонность здѣшнихъ жителей въ промышленности, основалъ въ Ярославлѣ, въ послѣдніе годы своего царствованія, двѣ полотняныя фабрики, изъ которыхъ одна и донынѣ существуетъ подъ названіемъ

Ярославской Большой Мануфактуры. Съ-тѣхъ-поръ фабричная промышленность быстро развилась до такой степени, что перешла даже въ сосѣднія губерніи: Костромскую и Владимірскую. Въ настоящее время, напротивъ, льняное и пеньковое производство въ Ярославль видимо приходитъ въ упадокъ; здѣшніе фабриканты, вмѣсто льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, больше стали готовить шелковыя и бумажныя: жаль это, потому-что, при отличномъ качествѣ нашего льна, у насъ чувствуется большой недостатокъ въ хорошемъ полотнѣ. Кромѣ фабрикъ и заводовъ, которыхъ здѣсь очень много, Ярославль замѣчательнъ также древностію и великолѣпіемъ своихъ церквей, Демидовскимъ-Лицеємъ и нѣсколькими красивыми зданіями, казенными и частными.

Малоземельность Ярославской губерніи при значительномъ ея населеніи, а съ-другой-стороны—обиліе и дешевизна хлѣба, привозимаго сюда изъ губерній болѣе хлѣбородныхъ, были причиною, что здѣшніе жители, вмѣсто хлѣбопашества, болѣе занимаются ремеслами и преимущественно—огородничествомъ. Въ этомъ дѣлѣ достигли они возможнаго совершенства, такъ-что обратили огородничество въ свою монополію вездѣ, куда ни заносить ихъ предпріимчивость; не говоря о чисто-русскихъ городахъ, они владѣютъ этимъ промысломъ въ Варшавѣ, Ригѣ, Ревелѣ. Ярославецъ-огородникъ не знаетъ себѣ соперника въ цѣломъ

міръ; такіе же удивительные могутъ вытти изъ нихъ, и выходить уже, садоводы. Такъ плодотворно, такъ пышно развивается все, что развивается на родной почвѣ, въ-слѣдствіе дѣйствительныхъ потребностей, а не пересаживается изъ чужбины, безъ пужды, безвременно, въ-слѣдствіе дѣтской подражательности.

Далѣе путь нашъ лежалъ чрезъ Нерехту, уѣздный городъ Костромской губерніи, и часть Шуйскаго уѣзда, губерніи Владимірской.

Костромская губернія, начинающаяся верстахъ въ 40 отъ Ярославля, имѣетъ свою особенную фазіономію. Здѣсь, далеко во все стороны, представляются взорамъ слегка холмистыя нивы и луга, пересѣкаемыя рощами. Такая открытая мѣстность даетъ возможность часто видѣть на возвышенностяхъ обширныя селенія съ каменными красной архитектуры церквами; въ народѣ, на всемъ протяженіи нашего пути по губерніи, замѣтили мы большую набожность. Нерехта, при рѣкѣ тогоже имени, очень небольшой, но чистенькій городокъ, въ которомъ насчитали мы около десяти церквей. Въ послѣднее время она много потерпѣла отъ упадка въ Костромской и Ярославской губерніяхъ полотняныхъ фабрикъ, въ которыхъ заключалась часть ея собственныхъ выгодъ, и потому сдѣлалась бѣднѣе противъ прежняго.

Шуйскій уѣздъ, между другими уѣздами Владимірской губерніи, занимаетъ едва-ли не первое мѣсто. Здѣсь промышленность сильно

развилась не только въ самой Шуѣ, которая давно уже и повсюду извѣстна своими промышленными и торговыми оборотами, но и въ окружающихъ ее селеніяхъ, на-примѣръ: Ивановскомъ, Никольскомъ, Ерлыковомъ, Дуниловомъ и другихъ. Мы проѣзжали чрезъ послѣднее изъ этихъ селеній, которое собственно состоитъ изъ двухъ селъ: Дунилова и Горницъ, раздѣленныхъ рѣчкою Тезой. Оба села принадлежатъ одному помѣщику, и лучше многихъ уѣздныхъ городовъ; въ первомъ — одна, во второмъ — три церкви, и всѣ онѣ выстроены на-маперъ соборовъ, съ нѣсколькими главами. На широкихъ и прямыхъ улицахъ есть нѣсколько такихъ каменныхъ домовъ, которые украсили-бы любой губернской городъ. Въ каждомъ домѣ находишь ткацкіе станки, на которыхъ, кромѣ холста и полотна, ткутся миткаль, холстинка и особенно красная нестрядка для крестьянскихъ мужскихъ рубахъ; отъ этого здѣсь вездѣ встрѣчаешь мужчинъ въ красныхъ рубашкахъ.

Переходъ изъ Владимірской губерніи въ Нижегородскую ничѣмъ не замѣтенъ. Въ Балахнинскомъ уѣздѣ, точно такъ же какъ и въ Шуйскомъ, неизмѣнная мѣстность съ песчаной почвой занимаетъ большое пространство отъ лѣвыхъ береговъ Клязьмы и Оки по обоимъ берегамъ Волги до самаго Нижняго-Новгорода; нивы, луга и перелѣски попадаются только изрѣдка, по мѣстамъ нѣсколько возвышеннымъ.

Въ селеніяхъ и деревняхъ Балахнинскаго уѣзда весьма значительно развита мануфактурная промышленность, а вмѣстѣ съ нею и довольство жителей; въ народѣ замѣтна большая дѣятельность, чему въ-особенности содѣйствуетъ близость Нижегородской-Ярманки. Изъ селеній, встрѣчающихся на этомъ пути, замѣчательно Пурихъ, отстоящее около 40 верстъ отъ Балахны. Оно принадлежало нѣкогда знаменитому Кнзю Пожарскому, и до-сихъ-поръ, какъ извѣстно, въ одной изъ здѣшнихъ церквей хранится подлинное знамя, съ которымъ Нижегородцы, въ 1612 году, предпринимали, подъ предводительствомъ Князя, воодушевленнаго Миннымъ, походъ подъ Москву, противъ Поляковъ. Въ Пурихъ застали мы ярманку, на которую свезено было много крестьянскихъ издѣлій.

Балахна существуетъ съ давнихъ временъ; уѣзднымъ-же городовъ Нижегородской губерніи сдѣлалась не прежде 1779 года. Она славилась нѣкогда своими соловарнями, на которыхъ и нынѣ производится выварка соли, только въ весьма маломъ количествѣ. Ныѣшніе промыслы жителей состоятъ: въ торговлѣ хлѣбомъ, въ постройкѣ килевыхъ судовъ, барокъ и лодокъ, и въ приготовленіи кирпичей, особенно — изразцовъ, о которыхъ намѣстѣ говорятъ, будто они идутъ отсюда даже въ Китай чрезъ Кяхту. Съ учрежденіемъ Волжскаго пароходства, судостроеніе здѣсь весьма увеличилось и заняло много рукъ.

Дорога отъ Балахны до Нижняго - Новгорода, на разстояніи 55 верстъ, идетъ вдоль праваго берега Волги, по мѣстности низменной, иловато-песчаной, бесплодной. Тутъ иногда встрѣчались намъ огромныя лужи, еще не высохшія послѣ весенняго половодья; кое-гдѣ разбросанныя группы деревьевъ печально качали, по волѣ вѣтровъ, своими полунзсохшими вѣтвями, придавая всей окрестности еще болѣе меланхолическій видъ. Зато, чѣмъ болѣе приближаешься къ Нижнему - Новгороду, тѣмъ величественнѣе обозначаются высокіе берега Оки, на которыхъ издали еще рѣзко выказывается плодородіе благодатной почвы. Наконецъ, верстъ за 10, городъ весь открывается, съ своимъ древнимъ кремлемъ и раскинутыми тамъ-и-сямъ по скату горы церквами разнообразной архитектуры. Дорога въ городъ проходитъ черезъ ярманочныя помѣщенія.

Замѣчательно, что по тракту изъ С. - Петербурга въ Нижній, чрезъ Ярославль, не существуетъ, ни городовъ, не только гостиницъ, но даже порядочныхъ постоялыхъ дворовъ, такъ-что, во время дороги, рѣдко гдѣ можно достать порядочнаго бѣлаго или ситнаго хлѣба. Такое неудобство тѣмъ страннѣе, что встрѣчается въ губерніяхъ, обильныхъ хлѣбомъ, въ селеніяхъ богатыхъ, у народа смышленнаго, и, наконецъ, на такомъ трактѣ, по которому, особенно отъ Рыбинска и Ярославля, во время Нижегородской-Ярманки, про-

ѣзжихъ бываетъ весьма много. Нѣкоторые изъ сихъ-послѣднихъ, чтобы не тѣсниться на почтовой дорогѣ и не встрѣчать неизбѣжныхъ въ-слѣдствіе того затрудненій въ скорости ѣзды, предпочитаютъ ѣхать вольными передаточными лошадьми, которыя не всегда ѣдутъ по большой дорогѣ, а чаще проселками; такимъ, по-необходимости, надобно запасаться въ городахъ всей провизіей, иногда дни на два, если не хотятъ они голодать дорогою.
